

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОСТИ В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Е. Г. Озерова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 14 июня 2011 г.

Аннотация: в статье рассматривается прецедентное имя в дискурсе русской поэтической прозы. Прецедентные имена имеют сложную систему интертекстуальных вербально-визуальных духовных и культурных кодов.

Ключевые слова: прецедентное имя, дискурс русской поэтической прозы, интертекстуальность.

Abstract: the article considers precedent-related names in the discourse of Russian poetic prose. These names have a complex structure of intertextual verbal-visual spiritual and cultural codes.

Key words: precedent-related name, Russian poetic prose discourse, intertextuality.

В текстах русской поэтической прозы* интертекстуальность является не только смыслопорождающей категорией, она принимает участие в создании сложной системы интертекстуальных вербально-визуальных духовных и культурных кодов, которые являются конструктивными элементами всех видов искусства: живописи, музыки, художественных текстов. Декодирование таких духовных и культурно-исторических кодов помогает раскрыть «преобразования мертвых следов смысла в живой смысл» [1, с. 215].

Интертекстуальность имени в текстах русской поэтической прозы является тем ономазиологическим пространством, которое не только наделено смыслом, но и выполняет функцию носителя культурно-религиозной памяти. Его когнитивным субстратом служит прецедентный концепт ИМЕНИНЫ – в христианской традиции день памяти какого-либо святого, являющийся праздником для верующего, названного именем этого святого.

Определенную кривую жизненного пути, по мнению Павла Флоренского, имели люди как носители и выразители имен: по имени – житие, а не по житию – имя. Поэтому П. Флоренский говорит об имени как формообразующей силе, эмблеме личности и ее духовном строении. В Православии сила имени является настолько значимой, что святость икон действи-

тельна лишь в том случае, если лик святого подтверждается написанным именем.

*Осень – самая у нас именинная пора: на Ивана Богослова – мои, на мучеников Сергия и Вакха, 7 октября, – отца; через два дня, мч. Евлампии, матушка именинница, на Михайлов День Горкин пирует именины, а зиму Василь Василч зачинает, – Васильев День...***

Прецедентные имена в текстах русской поэтической прозы имеют экстралингвистическую закрепленность и пронизаны духовной традицией и религиозной историей: *Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей* (Бытие, Гл. 2: 19); *Мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день их сотворения* (Бытие, Гл. 5: 2); *Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Евангелие от Луки, Гл. 10: 20); *Господи! Имя Твое вовек; Господи! Память о Тебе в род и род* (Псалтирь, Гл. 134: 13).

В Толковом словаре библейских выражений и слов В. М. Мокиенко читаем: «**ИМЯ**. Крестить (окрестить) [каким] именем. Давать христианское имя при крещении. *Во имя* [кого, чего]. *Книжн. Устар.* В честь, во славу, в память кого-, чего-л. *Во имя Божие, именем Божиим. Устар. Книжн.* Формула настоятельной просьбы, мольбы. *Доброе имя (добрая слава) лучше богатства. Посл. книжн.* Пословица употреблена в Библии» [2, с. 236–237].

** Здесь и далее (если не указано иное) в качестве примеров приводятся выдержки из книги И. С. Шмелева «Лето Господне» (М.: Лодья, 2002. – 384 с.).

* В статье терминами «поэтическая проза» и «текст поэтической прозы» определяются соответственно жанр и текст, созданный по его канонам. Оба феномена являются продуктом смыслопорождающего процесса, тогда как самим смыслопорождающим потенциалом обладает понятие «дискурс» (категория деятельностная, событийная, когнитивно-прагматическая) в двух его вариантах: «дискурс поэтической прозы» и «лирикопрозаический дискурс».

© Озерова Е. Г., 2012

Фразеологический словарь старославянского языка (отв. ред. С. Г. Шулежкова) содержит описание фразеологизма *Имярекъ* – обозначение места в молитве, куда должно быть вставлено имя конкретного человека, о котором сейчас молятся; буквально значит «назвав имя» [3, с. 210–211].

Имя, отмечается в Библейской энциклопедии, – не только название, но с у щ н о с т ь и з н а ч е н и е именуемого; церковное имя при крещении нарекается в честь святого – небесного покровителя, Ангела-хранителя. Ср.: 1) *У тебя Иван Богослов ангел, а мой – Михаил Архангел. У каждого свой*; 2) *И каждому Ангелу день положен, славословить чтобы... вот человек и именинник, и ему почет-уважение, по Ангелу*.

Рассматривая имя как фактор культуры, В. Н. Топоров приходит к следующему выводу: во всех сферах духовной жизни человека «роль имени не только велика, но по-особому отмечена. И то, что поддается учету и пересказу, образует лишь поверхностный слой той тайны, которая связана с именем. Но даже прикосновение к этому слою намекает и на глубину этой тайны, и на ту силу, которая от нее неотделима» [4, с. 380].

Имя может эксплицироваться «как носитель высшего смысла и в этом отношении (как в религиозных откровениях или поэзии) тяготеет к абсолютной мотивированности», имеет «глубинные смысловые пласты», это «импульс культуры» [4, с. 381–382]. Ср.: *Защурив глаза, я вижу, как в комнату льется солнце. Широкая золотая полоса, похожая на новенькую доску, косо влезает в комнату, и в ней суеются золотники. По таким полосам, от Бога, спускаются с неба Ангелы, – я знаю по картинкам. Если бы к нам спустился!*

Прецедентное имя в дискурсе поэтической прозы обнаруживает ярко выраженные коммуникативно-прагматические отношения. Ср.: *Преподобный отче Сергие... Моли Бога о нас!.. Поет и отец, и я напеваю внутренним голосом, в себе* (Шмелев И. С. «Богомолье»).

Характерной для дискурса русской поэтической прозы является градация функционирования прецедентных имен. Например, имя собственное Иван может иметь следующие прецедентные имена: Иоанн-Предтеча (Иоанн-Креститель; Иоанн-Постный), Иоанн-Богослов, Иоанн-Златоуст. Ср.: 1) *Она входит с лампадкой в спальню, движется неслышно совсем к кiotу в правом углу, где главные наши образа-«благословения»: Троица, Воскресение Христово, Спаситель, Казанская, Иоанн-Креститель, Иван-Богослов... и Животворящий Крест в «Праздниках»; 2) *Вот и канун Ивана-Постного, – «Усекновение Главы Предтечи и Крестителя Господня», – печальный день*.*

Как видим, прецедентное имя *Иоанн-Предтеча* имеет номинативные вариации: *Иоанн-Креститель* и *Иоанн-Постный*. Это связано с той когнитивной информацией, которая имплицитно сообщается прецедентной ситуацией. Так, в Толковом словаре Д. Н. Ушакова *предтеча* – предшественник, лицо, своей деятельностью, своим явлением подготавливающее путь кому-нибудь. В Евангелии от Марка читаем: *Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия, как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему. Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов* (Евангелие от Марка, Гл. 1: 1–4).

Крестя, крещение мотивируют следующую номинацию прецедентного имени *Иоанн-Креститель* – тот Иоанн, который крестил Иисуса.

Возникновение номинативного варианта *Иоанн-Постный* также связано с прецедентной ситуацией: день мученической смерти Крестителя Господня Иоанна в 32 году по Рождестве Христовом вспоминается Православной Церковью 11 сентября по новому стилю и называется *Усекновение главы Иоанна Предтечи*. В этот день церковью установлен строгий пост как выражение скорби о насильственной смерти великого Пророка, Предтечи Господа Иисуса Христа [5, с. 286–287]. Такие прецедентные имена в дискурсе поэтической прозы образуют когнитивно-коннотативную систему, которая способствует интенциональному и интегративному восприятию лирикопрозаического текста.

Интертекстуальные тексты в русской поэтической прозе содержат, как правило, прецедентные имена, которые считались святыми, поэтому носящий имя святого хранит образ своего небесного покровителя. Ср.: *Господня сила, в ликах священных явленная... заступники наши все, молитвенники небесные!.. Думаешь, что ... земное это? Это уж самое небо движется, землею грешной... прославленные все, увенчанные... Господни слуги... подвигами прославлены вовеки ... сокровища благих... Кажется мне: смотрят они на нас, все – святые и светлые. А мы все грешные...*

Прецедентное имя в дискурсе русской поэтической прозы является отражением русской духовности, которая предполагает включение «мыслей о фактах» в контекст «мыслей о мыслях». «Прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а возможно, и

обратно» [6, с. 220]. Ср.: Горкин и молитвы Покрову знает, говорит: «Сама **Пречистая** на большой высоте стоит, с **Крестителем Господним** и твоим **Ангелом – Иван-Богословом**, и со **ангельскими** воинствами, и держит над всей землей великий **Покрово-омофор**, и освящается небо и земля, и все церкви засветятся, и люди возвеселятся».

Прецедентные имена в дискурсе русской поэтической прозы репрезентируют духовный и ментальный прецедентный образ в сознании эготопа. Под эготопом мы понимаем субъективно-индивидуальное восприятие действительности, соотношенность объекта художественного описания с «Я-личностью», создание определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок; Я-пространство [6, с. 170–174].

Прецедентными, отмечает Ю. Н. Караулов, называем «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников современников и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности», которые являются показателем «принадлежности к данной эпохе и ее культуре» [7, с. 216].

Опираясь на структуру прецедентности Ю. Н. Караулова, рассмотрим прецедентное имя **Пантелеимон-Целитель** в дискурсе поэтической прозы:

Вечерком я пошел к Горкину в мастерскую.

*Он сидел над поникшей березкой и слушал, как скорняк читал про великомученика и **целителя Пантелеимона**. Я долго слушал, как жалостливо вычитывал Василь Василич... – как царь Максимилиан терзал святого и травил дикими львами, но не мог причинить смертной погибели, и тогда велел воинам, дабы усекли святому голову мечом. И великие чудеса случились...*

*И тут я подумал: если бы и с папашенькой случилось чудо, исцелил бы его **Целитель!***

Прецедентное имя **Пантелеимон-Целитель** иллюстрирует ценностно-смысловую и интенциональную значимость для эготопа, но вместе с тем, имеет не только сверхличный, но и этнокультурный характер: известно современникам и предшественникам.

*Все **Целителя** призывают, все Богу молятся... что ж, так вот и не помирать никому?..*

*... Старенький дает мне большую книгу в зеленом переплете, на котором выдавлены золотцем слова: «**Житие, страдания и чудеса св. великомученика и целителя Пантелеимона**».*

*– ... Почитывай папашеньке... Милостив Господь, призрит милосердием... и облегчит **Целитель** недуг болящего.*

В прецедентной ситуации значимой становится не только когнитивная информация, но и ее преломление к эмотивному состоянию эготопа.

*А Горкин тут и сказал: Великие исцеления истекали от целителя. Один купец в Туле ногу себе топором посек ... все доктора отказались вылечить... А как помолился купец с горячей верой **Целителю**, помазали ему ногу святым маслицем от лампы **Целителя**, – здоровая нога стала.*

Прецедентное имя **Пантелеимон-Целитель** имеет, несомненно, сверхличностный характер: повествование о его жизнеописании передается из поколения в поколение.

*Я прочел книжечку скорняка про **целителя Пантелеимона**. Он жил в давние времена, когда язычники мучили христиан. Жил где-то на Востоке и был ученый врачеватель. Сам языческий царь повелел обучить его **врачебной науке**, дабы он стал царским **врачевателем**. И он хорошо стал **врачевать**, во имя Христа. И было видение одному священнику в том граде, чтобы вышел к воротам. Тот восстал ото сна и вышел. И увидел красивого юношу **Пантелеона**, что значит – «**Вселев**», или – «**Всесильный**». Священник позвал его к себе и стал говорить ему про Иисуса Христа. И потом научил **христовой вере**, окрестил тайно и дал ему имя **Пантелеимон** – **Всемиловитый**. И **Пантелеимон** стал **лечить** еще лучше и даже совершал чудеса.*

Это прецедентное имя в дискурсе поэтической прозы фиксируется неоднократно (около 200 контекстов; только в автобиографической повести И. С. Шмелева «Лето Господне», по данным конкорданса, составленного А. Г. Балакаем, это прецедентное имя употреблено 56 раз и является показателем культурной и духовной принадлежности [8].

Прецедентными именами в дискурсе русской поэтической прозы назовем следующие: (1) значимые не только в когнитивной интерпретации, а в ее преломлении к эмотивному состоянию эготопа, (2) имеющие сверхличностный характер: знание о прецедентной ситуации передается из поколения в поколение, (3) обращение к нему возобновляется неоднократно и является показателем культурной и духовной принадлежности.

Когнитивное пространство текстов поэтической прозы раскрывает этимологию прецедентного имени, связывает через имя с именем Божиим. Индивидуальное имя, отмечает Д. Б. Гудков, связано 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, или 3) именем-символом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [9, с. 108]. В дискурсе поэтической прозы все уровни прецедентности находят подтверждение: закреплены в прецедентном тексте (Библия), прецедентной ситуации (житие) и в имени-символе: Иоанн Богослов, Николай-Чудотворец, Пантелеимон-Целитель.

Человеческое именование и имявоплощение, отмечает С. Булгаков, существует по образу и подобию божественного боговоплощения и наименования; всякое имя имеет смысл, это и составляет внутреннюю форму имени, а имя в своем возникновении есть слово, то есть смысл, идея, содержание, так как бессмысленных имен в их генезисе не существует.

Обращение к прецедентному имени в текстах поэтической прозы актуализирует значимую для эготопа когнитивную информацию, является средством дополнения и расширения смысла и эксплицирует ценностно-культурные регистры. Обращение к прецедентному тексту и прецедентной ситуации, отмечает Д. Б. Гудков, происходит через прецедентное имя, «а сами прецедентный текст и прецедентная ситуация являются феноменами скорее собственно когнитивного, нежели лингвистического плана, поскольку хранятся в сознании носителей языка в виде инвариантов восприятия. Реальная ситуация речи может сопоставляться автором с некоей прецедентной ситуацией, выступающей как эталон для ситуаций такого типа вообще. Чтобы актуализировать в сознании собеседника инвариант восприятия данной прецедентной ситуации, говорящий употребляет прецедентное высказывание или прецедентное имя» [9, с. 109]. Ср.: 1) *И молюсь в уме: «Господи, помоги папашеньке! Святой Великомучениче и Целителю Пантелеимоне, исцели болящего раба божия Сергея!..» – Горкин так научил; 2) А утром и говорят: папашенька-то веселый встал и попросил яичко! Я поглядел на иконку Целителя и стал горячо молиться.*

Рассматривая в работе «Философия имени» мир как имя (ср. «Весь мир – икона Божья» – богослов Валерий Лепехин), А. Ф. Лосев подчеркивает, что именно «в любви мы повторяем имя и взываем к любимому через имя», «молимся мы через имена, через произнесение имени», «именем и словами создан и держится мир»; имя – 1) вещь, данная в разуме, 2) энергия сущности [10, с. 191].

Прецедентные имена, подчеркивает Д. Б. Гудков, необходимо отличать от общих нарицательных имен, являющихся именами собственными по происхождению. Последние давно оторвались от своего первоначального денотата и не связаны в сознании говорящих с каким-то одним субъектом [см.: 11, с. 58–69]. Отличительным свойством прецедентного имени лирикопрозаических текстов является постоянное обращение к первоначальному денотату как объекту вербальной (молитвы, каноны, тропари) и визуальной (иконы) коммуникации.

Сам прецедентный текст, отмечает В. В. Красных, – «феномен вербальный, однако в когнитивной базе он хранится в виде инварианта своего восприятия, который представляет собой некую структурную

совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений о прецедентном тексте (включая коннотации, с текстом связанные). Инвариант восприятия прецедентного текста относится к числу феноменов вербализуемых, поэтому апелляция к прецедентному тексту осуществляется через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена» [12, с. 51–52].

В дискурсе поэтической прозы прецедентное имя выходит за рамки вербального пространства и расширяет его визуальным восприятием: *Я поглядел на иконку Целителя и стал горячо молиться.* Поэтому можно сделать вывод: прецедентное имя в дискурсе поэтической прозы имеет сложную систему интертекстуальных вербально-визуальных духовных и культурных кодов, за ним «всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену «прозрачными», понятными, коннотативно окрашенными» [13, с. 170].

Таким образом, осмысление прецедентных имен как символических маркеров духовного пространства русского лирикопрозаического дискурса позволяет сделать следующие обобщения: прецедентные имена имеют этнокультурную направленность, поскольку

- 1) они пронизаны духовной традицией и историей религиозного сознания;
- 2) актуализируют значимую для эготопа историко-культурную информацию, являясь средством углубления и расширения смыслового содержания соответствующего концепта;
- 3) эксплицируют ценностно-смысловые регистры культурных концептов;
- 4) связаны в сознании адресанта с первоначальным денотатом – объектом вербальной (молитвы, каноны, тропари) и визуальной (иконы) коммуникации;
- 5) имеют градационную репрезентацию, так как имя собственное в лирико-прозаическом дискурсе чаще всего мотивируется несколькими прецедентными именами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х. Г. Истина и метод / Х. Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Мокиенко В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов : ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 639 с.
3. Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 ед. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ ; отв. ред. С. Г. Шулежкова ; чл. редкол.: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 424 с.

4. *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. – Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения / В. Н. Топоров. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.
5. *Православные праздники.* – Кострома : Авенир-Дизайн, 2002. – 392 с.
6. *Озерова Е. Г.* Эготоп поэтической прозы / Е. Г. Озерова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – Казань, 2011. – № 1 (23). – С. 170–174.
7. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
8. *Балакай А. Г.* Конкорданс и частотный словарь повести И. С. Шмелева «Лето Господне», *справочное электронное издание* / А. Г. Балакай, Н. А. Баланчик ; под ред. А. Г. Балакай. – Новокузнецк : ГОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия», 2011. – 14 600 слов и выражений. – Режим доступа: <http://kuzspa.ru/balakaay-page/leto.htm>
9. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
10. *Лосев А. Ф.* Форма. Стиль. Выражение / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1995. – 944 с.
11. *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и парадигма социального поведения / Д. Б. Гудков // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – М. : МАЛП, 1996. – С. 58–69.
12. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? / В. В. Красных. – М. : Диалог – МГУ, 1998. – 324 с.
13. *Красных В. В.* Этнопсихология и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Озерова Е. Г., доцент кафедры русского языка и методики

E-mail: ozerova@bsu.edu.ru

Тел.: (4722)27-79-19

Belgorod State National Research University

Ozerova E. G., Associate Professor, Department of Russian Language and Teaching Methods

E-mail: ozerova@bsu.edu.ru

Tel.: (4722)27-79-19